

арендѣ въ купчей не упомянута ни однимъ словомъ, слѣдовательно она вовсе не обязательна для новаго владѣльца. Что же касается до правъ собственности, до того, чтобы Писарьку удалось отсудить землю въ свою пользу окончательно—объ этомъ и говорить смѣшно. Писарекъ пробуетъ поугаить Алексѣя Ивановича, обмануть его, пока онъ «по новости» еще не знаетъ дѣла—это очевидно. Но если споръ и въ самомъ дѣлѣ дойдетъ до суда, то Писарекъ, навѣрное, даже не явится къ разбору, потому что съ чѣмъ же ему явиться? Не съ пустыми же руками!

О. Михаилъ настолько выразилъ свою несомнѣнную увѣренность въ правахъ Щастнева, что даже «со всѣмъ удовольствіемъ» предложилъ ему тотчасъ же получить значительный задатокъ подъ аренду земли, даже сталъ ему навязывать этотъ задатокъ съ нѣкоторой горячностью, чтобы, какъ онъ выразился, «уже быть въ надеждѣ, если есть ваше такое усердіе къ церкви».

Послѣ этого въ умахъ Алексѣя Ивановича и Катюхи уже не могло оставаться никакихъ сомнѣній: они оба значительно просвѣтлѣли.

— Ужъ коли батѣя деньги давалъ,—сообщала Катерина Захаровна мужу свои соображенія, по дорогѣ домой;—такъ ужъ тутъ и говорить нечего; выходитъ, дѣло вѣрное. Ужъ этотъ, небось, гривенника даромъ не выложитъ, не токма что.

Алексѣй Ивановичъ вполне соглашался.

О. Михаилъ указалъ ему даже самый простой и легкій путь къ немедленному осуществленію своихъ правъ: а именно онъ совѣтовалъ, пользуясь тѣмъ, что Писарекъ пашетъ въ Мокрецахъ подъ гречиху, тотчасъ подать прошеніе мѣстному мировому судѣю о восстановленіи его, Щастнева, владѣнія, нарушеннаго Писарькомъ.

Наконецъ, самое прошеніе о. Михаилъ вызвался написать и написалъ тутъ же, безъ всякаго отлагательства; такъ что, уходя отъ священника, Алексѣй Ивановичъ уже несъ аккуратно сложенную бумагу съ собою, тщательно увязавъ ее въ какую-то женину тряпицу.

Послѣ этого можно ли было еще сомнѣваться въ смыслѣ окончательнаго рѣшенія Щастневыхъ? Конечно, они безъ всякаго раздумья положили: предложенія Писарька отклонить, и тотчасъ же начать противъ него рѣшительныя неприязненныя дѣйствія.

— Ишь, кабанъ пестрый, какъ было хотѣлъ объѣхать!—замѣтила про него Катерина Захаровна даже совсѣмъ успокоеннымъ тономъ.

На другой день Алексѣй Ивановичъ всталъ еще до солнца,